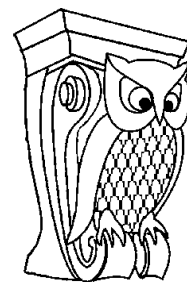

УДК 94(470.44)|1917/1918|

«Эти башибузуки среди местных жителей пользуются достойной ненавистью», или обратная сторона «триумфального шествия советской власти» в Саратовском Поволжье

Ю. В. Варфоломеев

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybartho@mail.ru

В статье предпринята попытка переосмысления одного из клише советской историографии эпохи Великой российской революции, известного как «триумфальное шествие» социалистической революции по стране. Автор на основе анализа источников личного происхождения и материалов периодики рассматривает политические и морально-психологические коллизии, а также характерные особенности узурпации власти большевиками в Саратове и городах губернии после октябрьского переворота.

Ключевые слова: «триумфальное шествие», большевики, захват власти, Саратовское Поволжье

«These Bashi-Bazouks Locals are Worthy of Hatred», or the Reverse Side of the «Triumphal March of Soviet Power» in the Saratov Volga Region

Yu. V. Varfolomeev

Varfolomeev Yuriy V., <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ybartho@mail.ru

The article attempts to rethink one of the clichés of Soviet historiography of the great Russian revolution, known as the «triumphal March» of the socialist revolution in the country. The author, on the basis of the analysis of sources of personal origin and materials of periodicals, considers political, moral and psychological collisions, and also characteristic features of usurpation of the power by Bolsheviks in Saratov and the cities of province after October revolution.

Keywords: «triumphal procession», Bolsheviks, seizure of power, Saratov Volga region

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-531-536>

Одним из концептуальных положений советской историографии Великой российской революции на протяжении долгого времени являлся тезис о так называемом «триумфальном шествии» социалистической революции по стране. Впервые выражение «триумфальное шествие» употребил один из лидеров октябрьского переворота В. И. Ленин: «С октября наша революция шла победным, триумфальным шествием», – а начавшаяся гражданская война, утверждал он, – «была сплошным триумфом Советской власти...»¹. При этом вождь большевиков отмечал скоротечный характер этого «триумфа»:

«Мы, в несколько недель свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны»². Однако в реальности, как об этом свидетельствует хроника и детали захвата власти большевиками на местах, этот процесс продолжался не несколько недель, а месяцев и нередко сопровождался отчаянным сопротивлением узурпации власти большевиками в различных регионах страны.

После нескольких дней борьбы с кремлевским гарнизоном, принесшей сотни жертв, большевики в начале ноября установили свой контроль над Москвой. Не менее драматичные и противоречивые события происходили в эти дни и в Саратовской губернии. В ночь с 26 на 27 октября 1917 г. на заседании Саратовского совета солдатских и рабочих депутатов, проходившем в зале консерватории, большевики буквально «выдавлив» из него меньшевиков и эсеров, стали полноправными хозяевами в этом органе революционной власти и открыто выступили с призывом захватить телеграфную и телефонную станцию, а также сместить губернского комиссара Временного правительства Д. А. Топуридзе. В этой ситуации Саратовская городская дума попыталась противостоять большевистскому натиску, но 29 октября гласные городской думы и защитники законной власти (в основном офицеры и юнкера школы прапорщиков) вынуждены были прекратить сопротивление перед превосходящими силами противника.

Победа большевистского Совета над городской думой вызвала целую бурю негодования против узурпаторов власти. Между тем первые 5 дней после осады думы небольшевистские газеты хранили молчание, а затем дали волю своему праведному гневу. Так, газета местного Совета крестьянских депутатов встала в решительную оппозицию по отношению к действиям Совета. «Большевики – враги народа. Они срываю выборы в Учредительное собрание». Призывы газеты не оставляли места сомнениям: «... Нужно выносить протесты против насильственных действий [большевиков], нужно не подчиняться их приказам, не верить их обещаниям»³. Возобновивший свою работу 5 ноября 1917 г. «Саратовский листок» очень точно передавал настроение горожан: «Мы живем во власти тьмы»⁴.

Резолюция, подписанная 24 организациями, представлявшими правительственные и некоторые другие учреждения города, резко порицала большевиков и выражала поддержку свергнутому правительству А. Ф. Керенского⁵.

21 ноября, в тот самый момент, когда на Театральной площади служащие и интеллигенция города резко критиковали правительство, выступавший в здании театра солдат прямодушно и откровенно заявил присутствовавшим, что «все те, которые будут сопротивляться новой власти, будут выселены из своих квартир и расстреляны»⁶. 25 ноября около двух часов дня в здание городской управы ворвался вооруженный отряд красногвардейцев и солдат гарнизона, занял все входы, объявив служащих и членов управы арестованными. Все служащие были согнаны в зал думских заседаний. Через полчаса явились большевистские лидеры В. П. Антонов-Саратовский, М. И. Васильев-Южин и С. И. Мицкевич. По воспоминаниям А. А. Минха, эти пресловутые Антонов (впоследствии – с 1918 г. – с добавлением «Саратовский», чтобы не путали с другими Антоновыми – Овсенко и особенно с руководителем тамбовского восстания эсером А. С. Антоновым) и Васильев (партийный псевдоним – Южин), бывшие по профессии адвокатами, «считались в судебных кругах третьеразрядными поверенными, всегда крайне неудачно выступавшими в Судебной палате по политическим делам низшего масштаба. Не обладая красноречием, не будучи достаточно образованными и развитыми, эти две «балды», как их звали, обладали зато огромным самомнением и нахальством, а Васильев отличался, кроме того, крайней нервностью и злобностью»⁷. С думской трибуны Антонов зачитал собравшимся, или, точнее, согнанным, декрет о роспуске саратовской городской думы как «не соответствующей революционной воле народа» Объявив о роспуске городской думы, большевики в то же время приказали всем служащим возвратиться на рабочие места, а когда те отказались, Васильев пригрозил, что заменит их безработными: «У нас 4000 безработных, они займут ваши места»⁸. Предварительно для убедительности солдаты дали несколько залпов в воздух, чтобы «попугать чиновников»⁹.

Первые шаги советской власти в регионе сопровождались беспорядком в системе местного управления, торжеством анархии и произволом самозванных блюстителей «революционного порядка». Большевистский губернский комиссар П. А. Лебедев даже вынужден был указать на «хаотичность в производстве арестов и реквизиций. Кому не лень, тот арестовывает и реквизирует». Чтобы взять эти акции под свой контроль, Исполнительный комитет местного комитета РСДРП поручил губернскому комиссару издать постановление о том, что «всякие аресты и реквизиции производятся по распоряжениям губкомиссара»¹⁰. При этом В. П. Антонов пред-

лагал расширить предметы для реквизиции, все продукты поставить на учет и продавать их по твердой цене. По его мнению, «это будет полезно для контрольно-реквизиционной комиссии»¹¹. Другими словами, большевики заботились не проблема узаконенных ими грабежей и бессудных арестов, а монополизация этой сферы противоправной деятельности и создание удобной и эффективной репрессивной системы для упрочения своей диктатуры.

Дестабилизация обстановки в стране после октябрьского переворота особенно болезненно и трагично отразилась на ходе избирательной кампании в Учредительное Собрание. Расчет Ленина на успех большевиков в выборах после захвата власти во многом оправдался. Один из современников этих событий саратовец М. Д. Соколов отмечал, что «по всем признакам перевес голосов будет на стороне большевиков. Они открыто бахвалятся, что вся горная сторона Саратова на их стороне, да плюс голоса сорока тысяч гарнизона»¹². Саратовская окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия, в компетенцию которой входило наблюдение за своевременным образованием и деятельностью уездных и городских избирательных комиссий, а также обеспечение законности подсчета голосов, оценив неблагоприятную политическую обстановку в преддверии голосования, приняла специальное постановление. В этом документе, в частности, констатировались наиболее вопиющие факты отсутствия демократических свобод: «полное отсутствие свободы устного и печатного слова, свободы собраний и неприкосновенности личности, явившихся результатом бунтарских выступлений, выборы в Учредительное Собрание в Саратове и Саратовской губернии при самых неблагоприятных условиях, исключающих правильное волеизложение народное, и поэтому выборы должны быть отложены до восстановления всех гражданских свобод»¹³.

В качестве яркой иллюстрации революционной гримасы «свободной агитации» местная газета приводила характерную сценку из предвыборной жизни: «...Идет солдат с кипой воззваний № 10 (в избирательном списке под этим номером значились большевики. – Ю. В.) и бесцеремонно заклеивает ими чужие списки, для пущей убедительности этого престола большевистской правды сопровождал еще другой, потом уже с винтовкой, “дабы не препятствовали моему ндраву”»¹⁴. Очевидно, в такой обстановке не могло быть и речи о равных возможностях всех политических партий в предвыборной агитации, гарантировании свободы слова и волеизъявления.

Несмотря на свою разнузданную и агрессивную агитацию, большевики не пользовались симпатией у основной части населения. Как известно, все социалистические партии, без различия направлений, крайне отрицательно отнес-

лись к захвату власти большевиками. Пытаясь понять и объяснить это явление, корреспондент газеты «Пролетарий Поволжья» размышлял о том, почему именно социалисты, идеологически близкие по духу к социал-демократам, не хотят и не могут примириться с властью Ленина и Троцкого? Что же объединяет всех социалистов в негативной оценке большевизма? Ответ находим на странице газеты: «Прежде всего – авантюризм, анархизм. Оставаясь на словах социалистами, большевики на деле перестали быть таковыми: под социалистической фразеологией скрывается настоящее бунтарство. Это бунтарство, в русских условиях идущее по линии пугачевщины, отталкивает социалистов от большевиков»¹⁵.

В качестве неоспоримого аргумента автор в обоснование своей позиции высказывал тезис о том, что для свободного развития социалистического движения необходим демократический строй, в то время, как большевики «перешли ноги демократии, отравив проповедью насилия сознание масс». По этой же причине несвоевременны и утопичны их декреты, и до крайности страшны их призывы «к беспощадной расправе». Представители социалистического движения отчетливо понимали и заявляли, что «бумажные “декреты” большевиков есть игра в бирюльки, а “расправа” – это путь к стихийному погрому, под развалинами которого будут похоронены демократия и культура. <...> Вот почему невозможно соглашение с пугачевцами. Вот почему необходимо напрячь все силы, чтобы этот “нарыв” вовремя лопнул, лопнул, не заразив кровью революции»¹⁶.

В подобной ситуации считалось, что наилучшим «хирургом» для устранения этого социально-политического «нарыва» на теле русской революции будет Учредительное собрание, но оно могло выполнить свою высокую и судьбоносную для страны миссию только в том случае, если не будет большевистским. «А для этого, – резюмирует автор, – всем необходимо, во что бы то ни стало, идти к урнам»¹⁷. Именно поэтому, а также принимая во внимание и то обстоятельство, что «по техническим условиям в настоящее время нет возможности отложить выборы», окружная избирательная комиссия считала необходимым, чтобы «повсеместно в Саратове и Саратовской губернии выборы были произведены своевременно, и призывает население выполнить 12, 13 и 14 ноября свой гражданский долг»¹⁸.

Серьезная дестабилизация обстановки в некоторых частях Саратовской губернии вынудила уездную избирательную комиссию перенести выборы в Учредительное собрание на 26 ноября 1917 г., как это, например, случилось в Камышине, где накануне выборов – 10 ноября – был разгромлен винный склад, и в городе начались пьяные дебоши¹⁹. 23 ноября Губернская окружная комиссия по выборам в Учредительное собрание

получила из Кузнецка телеграмму о пьяных погромах в городе, и в связи с этим сообщение о прекращении деятельности уездной комиссии «вследствие разгрома винного склада, вызвавшего образование пьяных банд, приступивших уже к разгрому торгово-промышленных предприятий. В городе паника, и восстановить порядок некому»²⁰.

В этой крайне сложной, противоречивой, психологически и социально накаленной политической обстановке наступило 12 ноября 1917 г. – первый день голосования по выборам в Учредительное собрание. Опасения антибольшевистских кругов подтвердились – избиратель, не на шутку запуганный большевиками, нередко боялся даже подойти к избирательному участку. «Войдя в зал, я был поражен его безлюдием, – отмечал М. Д. Соколов. – Нас, избирателей, было человек шесть... Такая же картина наблюдается и к вечеру»²¹. Подобная ситуация с безудержным «размахом» народного волеизъявления сохранялась и в следующие 2 дня. Главный вывод, на который наводит зрелище такого «всенародного голосования» – весьма безразличное отношение широких масс к судьбе выборов. Характерной чертой политической индифферентности большинства населения являлось разочарование в так называемых «борцах за народное счастье». «Все равно, что большевики, что меньшевики: раньше было скверно, а теперь еще хуже»²², – вот преобладавший в политических беседах лейтмотив обывательских масс.

С другой стороны, у солдат, которые голосовали в своих частях отдельно от прочих граждан, настроение было совершенно иное – довольно приподнятое и залихватски-веселое. Распропагандированные большевиками, они демонстративно возмущались тем, что им подают все 12 списков. Партийный плюрализм и политическая конкуренция на выборах им явно претили: «Рви их всех, окромя десятого!»²³, – с вызывающей наглостью заявляли они. Особое негодование у них вызывал партийный список эсеров в избирательном бюллетене № 12, в котором на первом месте был указан Александр Федорович Керенский. При этом имя бывшего премьер-министра неизменно сопровождалось отборной площадной руганью.

Вполне предсказуемо, что результаты выборов в Учредительное собрание были удручающими. В ноябрьских выборах участвовало меньше жителей, чем во время июльских выборов в городскую думу. Из 115 540 избирателей проголосовало лишь 41,5 %, летом же – 46,8 %²⁴. В самом Саратове гражданское население подало 47 522 голоса за кандидатов в Учредительное собрание, а солдаты гарнизона – 12 660, т. е. всего проголосовали 60 182 избирателя²⁵. Как и следовало ожидать, большевики получили больше всех – 37,7 % голосов. Между тем кадеты даже в этой ситуации оказались на

втором месте – 19,9 %, эсеры – на третьем с 14,5 % голосов, а меньшевики получили всего лишь 6,8 % голосов избирателей. Как свидетельствовали результаты выборов, консервативные партии, или, точнее, партии стабильности и порядка, теперь оказались в лучшем положении, чем в начале года: кадеты и представители других правых сил получили треть (32%) голосов саратовских избирателей. Если из общего числа лиц, голосовавших за большевиков, исключить солдат, отношение горожан к их партии будет выражаться гораздо точнее. Большевики получили 28,8 % голосов гражданского населения, а кадеты – 24,1 %, что свидетельствует о фактическом паритете этих двух политических сил среди населения даже в период разгула революционной стихии.

Статистика также говорит о том, что с июля по ноябрь 1917 г. число сторонников и большевиков, и кадетов возросло почти вдвое, в то время как эсеры и меньшевики потеряли почти 25 тыс. представителей своего электората, оказавшихся теперь слева и справа от них. По данным «Саратовского вестника», 15 тыс. избирателей, ранее поддерживавших блок эсеров и меньшевиков, в ноябре отдали свои голоса за большевиков, а 10 тыс. избирателей, голосовавших до этого за социалистов, в ноябре отдали свои голоса правым партиям²⁶. «Боязнь анархии, дальнейшего развала экономики, а также непрекращающаяся инфляция вынудили многих “умеренных” перейти на сторону буржуазии»²⁷, – объясняет изменения в политических предпочтениях населения Д. Дж. Рейли.

Захват власти большевиками в уездах Саратовской губернии проходил с большими трудностями и очень вязко. При этом неизменным спутником «триумфального шествия» большевиков были пьяные погромы. Например, в течение нескольких недель после октябрьского переворота в столице, большевики так и не смогли захватить власть в крупном районном центре Поволжья – Вольске. Комиссар, назначенный в свое время еще Временным правительством, смещен не был, а большевистский комитет не образован. Одновременно с этим действовал комитет общественной безопасности. По свидетельству современников каких-либо серьезных политических эксцессов в Вольске не было, взаимоотношения думы и Совета дружественные, в Советах большевики не преобладали, и даже назначенные на ближайшее время перевыборы всего состава этого органа власти, по оценкам местных политиков, не сулили большевикам серьезных успехов. «В гарнизоне, прежде явно большевистское настроение, начинает сильно спадать, – отмечалось в прессе. – Граждане и крестьяне настроены [к большевикам. – Ю. В.] «отрицательно, иногда враждебно»²⁸.

Более драматично складывалась революционная ситуация в Камышине. Фактически

власть в городе большевики взяли только после приезда отряда с пулеметами из Саратова, однако городская дума признать самозваную власть отказалась. Военский гарнизон был на стороне большевиков, а горожане и крестьяне были настроены к большевикам недоброжелательно. В ночь на 8 ноября в местном совете состоялось заседание большевиков и левых эсеров, на котором решался вопрос о захвате власти. Однако во время его обсуждения были получены сведения о том, что солдаты разбивают винный склад. Совет прервал заседание и отправился на место событий. «Утром и весь день город представлял необычайную картину: всюду пьяные солдаты тащили водку в карманах, в мешках, и тут же ею торговали (цена на самогон сразу упала), учреждения не работали, магазины закрыты»²⁹. Для наведения порядка в городе срочно был образован военно-революционный комитет, а при нем отряд «красной гвардии». Правда в скором времени ряды красногвардейцев стали таять и военно-революционный комитет для своей поддержки выписал из Саратова 110 солдат с двумя пулеметами.

Для пресечения пьяных дебошей были сформированы патрули из солдат и милиционеров. Но даже эти меры не остановили погромщиков. На другой день солдаты принялись за спирт. В Камышин приехали также солдаты из заводской слободы Николаевской. Очевидцы рассказывали, что через Волгу курсировали десятки лодок, перевоза солдат с водкой.

9 ноября в 2 ч дня было создано экстренное собрание городской думы, которая для восстановления порядка в городе пошла на контакт с военно-революционным комитетом, избрав в него своих представителей. Дума даже выпустила воззвание к населению, предлагая записываться в «красную гвардию» для охраны города. Население также призывалось к организации самообороны по кварталам. Несмотря на принятые меры, расхищение водки продолжалось и на третий день. Теперь уже приезжали крестьяне из соседних сел и увозили водку под сеном. На улицах была слышна беспорядочная стрельба, магазины закрыты, все напуганы, жизнь в городе замерла. Каждую ночь происходили вооруженные грабежи, которые нередко сопровождалась убийствами. Однако «Власть Советами пока не захвачена»³⁰, – подводился итог революционной вакханалии местного розлива. В этой обстановке 21 ноября 1917 г. была принята резолюция Камышинского уездного Земского собрания. Признавая факт анархии и гражданской войны в стране, земские гласные постановили: «1). Считать вообще недопустимым и преступлением против народа гражданскую войну за власть, особенно накануне открытия Учредительного Собрания. 2). Вся власть в стране должна принадлежать Учредительному Собранию, которое должно быть создано в срок, 28 ноября. До созыва Уч-

редительного Собрания власть на местах должна принадлежать всенародно избранным земским и городским самоуправлениям, и никакой контроль над ними со стороны других организаций недопустим»³¹.

Между тем пьяные погромы в Камышине и окрестностях продолжались. «Кошмарные дни и ночи, – сообщалось в газетной заметке. – Все жители слободы Николаевской более десяти дней находятся в угнетенном состоянии от мала до велика, от богача до последнего бедняка, от ужасного террора пьяных буянов – солдат 243-го запасного полка. День и ночь идет стрельба из винтовок. Куда и во что стреляют, никто не знает. Всякий мирный обыватель теперь отлично узнал, что такое полнейшая “свобода” разнузданных, отравленных спиртом и водкой солдат... Эту “свободу” будут помнить николаевцы десятилетиями. А “товарищ” – будет самое страшное и презрительное название»³².

По постановлению совета солдатских и рабочих депутатов началась кампания по изъятию водки, но вслед за этим под видом обысков началась излюбленная и отлаженная большевиками за годы подполья экспроприация ценных вещей горожан. Таким образом, пьяные погромы сопровождалась еще и незаконными обысками и днем, и ночью в домах зажиточных и богатых людей, наводя панику на «свободных» граждан. И в качестве резюме: «Матерная брань сыплется, как из рога изобилия... Это взяли верх так называемые большевики...»³³. Николаевские горожане-солдаты, бывшие на войне и в окопах более трех лет, попытались положить конец этой ужасной пугачевщине. «Около тысячи этих солдат решили встать на защиту своей родной слободы и, организовавшись, предложили большевикам в количестве оставшихся 300 человек удалиться из слободы восвояси»³⁴. Именно в такой обстановке, располагающей к «свободному» волеизъявлению, и проходили выборы в Учредительное Собрание.

Дестабилизирующее влияние пьяных погромов на общественно-политическую обстановку в регионе вынуждены были признать и большевистские лидеры. «В ряде уездных городов начались разгромы винных складов и пьяная вакханалия, – констатировал В. П. Антонов-Саратовский. – Наиболее безобразна пьяная стихия в Петровске и Камышине. Местные Советы пытались утихомирить стихию, но, за отсутствием реальной силы, им почти, что ничего не удалось сделать»³⁵. Действительно, широкая волна хмельной анархии разлилась по уездам, о чем свидетельствовали сообщения с мест: в Петровске «полная дезорганизованность, что коснулось и гарнизона, и поэтому малая надежда, что мы одержим победу над казаками. Балашов тоже безнадежен. В Кузнецке тоже разгром. Аткарск. Совет объявили властью, но фактически власть не перешла. Все учреждения работают без кон-

троля. Комиссар у власти. <...> Настроение гарнизона подавленное, но преобладает большевизм. Большинство населения к большевикам относится отрицательно»³⁶.

В Аткарске большевистская власть была фактически признана только 16 декабря и здесь решающее слово оказалось за радикально настроенными солдатами. Большевистской организации в Аткарске не было вплоть до октября 1918 г., и она появилась лишь в результате прямого вмешательства саратовских большевистских лидеров – М. И. Васильева и В. П. Антонова. Правда, в последующие несколько месяцев членам упраздненного земства удалось собрать значительные силы для противостояния новой власти, однако отряды Красной гвардии и части вооруженных солдат, готовые силой отстаивать свои завоевания, не позволили рухнуть шаткому фундаменту, на котором зиждилась советская власть в Аткарске. По словам одного из участников событий, «весь 1918 год прошел в лихорадочной борьбе с (антибольшевистскими) восстаниями и укреплении партийной организации»³⁷.

Пресловутая Красная гвардия, образованная из рабочих, по отзывам современников, была занята постоянными обысками и облавами, ища всюду и везде «крамолу», а также продовольствие, изрядный недостаток которого стал уже остро ощущаться. «Ежедневно, день и ночь, шли повальные обыски, – вспоминал А. А. Минх. – Оцеплялись целые кварталы, и у перепуганных граждан отбирали не только все более или менее ценное, но и случайный куль картошки или пуд муки»³⁸. Но самое страшное, что в этой большевистской революционной вакханалии гибли ни в чем не повинные мирные горожане. «Было убито и ранено несколько обывателей, виновных только в том, что проходили в это время по улице, – свидетельствует «саратовский обыватель» М. Д. Соколов. – Много красногвардейцев было пьяных. Эти башибузуки среди мирных жителей пользуются достойной ненавистью (выделено мною. – Ю. В.)»³⁹.

Как известно, торжество большевистской власти, ее так называемое «триумфальное шествие» Ленин объяснял тем, что «...у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти»⁴⁰. Однако приведенные факты и хроника послеоктябрьских событий опровергают выводы большевистского вождя. Во-первых, у противников большевистского режима даже там, где захват власти происходил относитель-

но мирно, была и политическая, и экономическая, а также, что немаловажно, правовая опора (в виде судебных органов)⁴¹. Во-вторых, победа большевиков была обеспечена не столько пропагандой и агитацией, сколько в первую очередь шантажом и угрозами с применением циничного насилия вплоть до репрессий и карательных действий против своих оппонентов. Таким образом, начиная с 25 октября 1917 г., в течение нескольких месяцев по стране «триумфальным шествием» прокатился каток большевистского красного террора. В результате в центре и на местах постепенно прекратила свое существование вся система правосудия и государственного управления России, а страна на несколько лет погрузилась в хаос и братоубийственную, кровавую Гражданскую войну.

Примечания

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. М. : Изд-во политической литературы, 1968. С. 375.
- 2 Там же.
- 3 Известия Саратовского Губернского Совета крестьянских депутатов. 1917. 4 нояб.
- 4 Саратовский листок. 1917. 5 нояб.
- 5 См.: Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии : 1917 год в Саратове. Саратов : Слово, 1995. С. 290.
- 6 Социал-демократ. 1917. 23 нояб.
- 7 См.: Минх А. А. Отрывки из воспоминаний очевидца г. Саратова. 1917–1919 // Рейли Д. «Заложник пролетариата». Отрывок из воспоминаний А. А. Минха. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 21.
- 8 Цит. по: Кумаков А. В., Симонов А. А. Пролетарская революция, какой мы её не знаем : в 2 кн. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. Кн. 1. С. 129.
- 9 Там же.
- 10 Цит по: Там же. С. 71.
- 11 Цит по: Там же.
- 12 Мишин Г. А. Записки саратовского обывателя. Саратовский след Распутина. Саратов : [б/и], 2001. С. 52.
- 13 Пролетарий Поволжья. 1917. 12 нояб.
- 14 Там же. 13 нояб.
- 15 Там же. 14 нояб.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. 12 нояб.
- 19 См.: Саратовский листок. 1917. 16 нояб.
- 20 Там же. 23 нояб.
- 21 Мишин Г. А. Указ соч. С. 58.
- 22 Саратовский листок. 1917. 15 нояб.
- 23 Там же.
- 24 См.: Рейли Д. Дж. Политические судьбы... С. 361.
- 25 См.: Саратовский вестник. 1917. 18 нояб.
- 26 Там же.
- 27 Рейли Д. Дж. Политические судьбы... С. 361.
- 28 Пролетарий Поволжья. 1917. 16 нояб.
- 29 Саратовский листок. 1917. 16 нояб.
- 30 Там же. 24 нояб.
- 31 Земля и воля. 1917. 6 дек.
- 32 Саратовский листок. 1917. 24 нояб.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. М. ; Л. : Государственное издательство, 1925. С. 183.
- 36 Кумаков А. В., Симонов А. А. Указ. соч. С. 86–87.
- 37 Там же. С. 87.
- 38 Минх А. А. Отрывки из воспоминаний очевидца г. Саратова. 1917–1919 // Рейли Д. «Заложник пролетариата»... С. 74.
- 39 Цит по: Кумаков А. В., Симонов А. А. Указ. соч. С. 311.
- 40 Ленин В. И. Указ. соч. С. 390.
- 41 Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. К вопросу о «Триумфальном шествии Советской власти» в Поволжье (по материалам Саратовской Судебной палаты) // Базис. 2018. № 2(4). С. 61–64.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. «Эти башибзуки среди местных жителей пользуются достойной ненавистью», или обратная сторона «триумфального шествия советской власти» в Саратовском Поволжье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 531–536. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-531-536>

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. «These Bashi-Bazouks Locals are Worthy of Hatred», or the Reverse Side of the «Triumphal March of Soviet Power» in the Saratov Volga Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 531–536 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-531-536>